ленные, блестящие образцы критического анализа библейских преданий. «Высоко ценя поэтическую ценность библейских текстов, их мощное и смелое воображение, содержащиеся в них картины нравов древних времен истории иудейского племени и т. д., Вольтер категорически отрицает за данными библейского предания какую-либо историческую достоверность», — справедливо пишет по этому поводу К. Н. Державин.[2]

К критике Библии Вольтер подходил нередко, по собственному признанию, с точки зрения «здравого смысла».[3] Однако рационалистический характер, свойственный этой критике, не лишал его точности, меткости и исторической проницательности. Причем следует добавить, что, язвительно и безжалостно критикуя достоверность библейских преданий, Вольтер не отвергал громадного значения Библии как поэтического и исторического памятника, который «во сто раз лучше Гомера позволяет узнать нравы Древней Азии» (письмо к м-м дю Деффан от 13 окт. 1759 г.).

«В своем стремлении уничтожить авторитет библейского предания как исторического источника, — верно замечает К. Н. Державин, — Вольтер становится вслед за английскими деистами на путь сравнительно-исторического исследования ряда библейских эпизодов и образов. Он привлекает к критике библейского текста широкий материал древневосточной, египетской и античной мифологии. Он пользуется греческими сказаниями, вавилонскими преданиями, египетской теогонией, преданиями браминов, легендами финикиян, арабов и т. д. . .» [4] Тем самым Вольтер-историк в немалой степени способствовал расширению всемирного горизонта позднейшей исторической науки, ее выходу за пределы наивного «европоцентризма», подготовил рождение в ней сравнительного метода исследования.

Вольтера нередко упрекали за «антиисторическое» преувеличение роли случайности. Действительно, в полемике с Боссюэ и церковной историографией Вольтер, как и другие философы XVIII в., доказывал, что характер королевской фаворитки, насморк короля или его министра часто оказывали и могут оказывать существенное влияние на политику страны и ее военные судьбы. Но, во-первых, необходимо учитывать тот сатирический и полемический подтекст, который подобные утверждения имели в устах просветителей: указание на роль случайности в истории было важнейшим орудием просветителей в борьбе с церковно-теологическим учением, согласно которому миром правит бог и ни один волос не может упасть с головы человека без его воли. А во-вторых, хотя это и может показаться нам парадоксальным, утверждение роли случайности в истории в конкретных условиях развития тогдашней науки содействовало, как пра-

[2] *Державин К. Н.* Вольтер. М., 1946, с. 175.
[3] См.: там же, с. 174.
[4] Там же, с. 177—178.